

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА ПУШКИНА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТИЛИСТИКИ

Е. А. МАЙМИН

Письма Пушкина в достаточной мере изучены с точки зрения фактологической, со стороны их содержания. Как вспомогательным и очень ценным материалом ими широко пользовались биографы поэта и исследователи его творчества. Эпистолярное наследие Пушкина подвергалось и специальному рассмотрению в более или менее основательных, общего характера работах Е. Ляцкого, В. Сиповского, Ю. Айхенвальда, Н. Гнедича, В. Ходасевича, Н. Степанова, Б. Казанского.¹ Меньше, совсем мало написано о стилистике пушкинских писем. Если не считать отдельных, иногда очень глубоких и остроумных, наблюдений и замечаний стилистического характера в указанных работах о письмах Пушкина, можно назвать только одно исследование, непосредственно посвященное этой теме — исследование В. А. Малаховского «Язык писем Пушкина».² Работа В. Малаховского носит сугубо лингвистический и описательный по преимуществу характер. Уже по одному этому она не только не разрешает проблемы до конца, но и не вполне поднимает её. Между тем стилистика писем Пушкина требует внимания пристального и исследования всестороннего. Для этого есть важные основания. Факты эпистолярной стилистики не просто дополняют характеристику стиля писателя вообще. Они существуют не на равных, а на особых правах. У Пушкина во всяком случае это так. Стиль писем Пушкина — это стиль поэта

¹ См.: Ляцкий Евг. А. С. Пушкин и его письма — Русское богатство, 1900, ч. 2; Сиповский В. В. А. С. Пушкин по его письмам — Сборник памяти Майкова, СПб, 1902; Айхенвальд Ю. Пушкин, изд. 2-ое; М, 1916, стр. 26—41; Гнедич Н. Заметки о письмах Пушкина — Русский вестник, 1899, ноябрь; Ходасевич В. Поэтическое хозяйство Пушкина, кн. I, Л., «Мысль», 1924; Степанов Н. Дружеское письмо начала XIX в. — сб. «Русская проза», «Academia», Л, 1926; Казанский Б. В. Письма Пушкина — Литерат. критик, М, 1937, № 2, стр. 90—105.

² Малаховский В. А., Язык писем Пушкина — Известия Ака. наук СССР, отд. общественных наук, № 2—3, М.—Л., 1937, стр. 503—568.

в его тенденции, в его наиболее свободном и в этом смысле почти идеальном выражении. В нем не только настоящее языка писателя, но и его будущее, его возможности, то, к чему писатель стремится. Все это придает особый интерес изучению стиля пушкинской переписки.

Письма для Пушкина, помимо своего прямого назначения, всегда в какой-то мере и школа стиля. В них вырабатывался слог, язык свободный и непринужденный. В своих письмах, частных и дружеских, он готовил, растил, проверял себя как мастера слова. Именно здесь, где Пушкин чувствовал себя независимее и свободнее, где он не был связан жанровыми и всякого рода иными литературными условностями, где он одновременно и помнил и забывал, что он писатель, он мог смелее экспериментировать в слове, смелее искать.³ И раз найденное, проверенное, затем использовать в своем художественном творчестве.

Материал переписки дает немало примеров прямых стилистических заготовок. У Пушкина часто счастливо найденное в письме выражение, образ, стилистический рисунок переходит затем в стихотворение, в повесть, статью. Письма оказываются пробным камнем языкового творчества, своеобразным опытным полем.

В письме Пушкина к Вяземскому впервые появляется шутовое наименование героя поэмы В. Л. Пушкина-Буянова «двоюродным братом»; «... все они вместе не стоят Буянова, а что-то с ним будет в потомстве? Крайне опасаясь, чтобы двоюродный брат мой не почелся моим сыном — а долго ли до греха».⁴ Словесный образ этот перекочевывает затем из письма в роман «Евгений Онегин»: «... Мой брат двоюродный, Буянов, В пуху, в картузе с козырьком...» и далее: «Буянов, братец мой задорный, К герою нашему подвел Татьяну с Ольгою...» (Евг. Он., V, 26, 43—44)

Интересно, что удачные образы, выражения переходят чаще всего из писем к Вяземскому. Это не случайно. Переписываясь

³ Разумеется, везде, где идет речь о «свободе» в письмах, это нужно понимать не в абсолютном смысле. И письма тоже имеют свою собственную поэтику, свои законы. Письма лишь относительно свободны. Но и этой «относительной» свободы вполне достаточно, чтобы письма могли служить «школой стиля». Весьма любопытное признание сделал по этому поводу И. А. Гончаров: «Эпистолярная форма не требует подготовительной работы, планов, поэтому в ту же минуту удовлетворяет природной страсти — выражаться! Ни лиц не нужно, ни характеров, ни деталей, ничего, что задерживает и охлаждает резвое течение мысли и воображение!.. Я сажусь, как музыкант за фортепьяно, и начинаю фантазировать, мыслить, ощущать, словом жить легко, скоро и своеобразно — и почти так же живо и реально, как и в настоящей жизни!» («Необыкновенная история». Сб. Российской публичной библиотеки, ч. II, стр. 132—133).

⁴ Письмо от 2 января 1822 г. — А. С. Пушкин. Полное собр. соч. в десяти томах. Изд-во Ак. наук СССР, М.—Л., 1951, т. 10, стр. 33.

с Вяземским, Пушкин особенно заботится о литературной, художественной стороне своих писем: писатель пишет писателю, пишет тому, кто сможет понять и оценить по достоинству.

Он пишет Вяземскому о Ф. Толстом: «... и смешить на мой счет письмами чердак князя Шаховского».⁵ В «Евгении Онегине» позже появляется созвучное этому — созвучное не по мысли только, но и по форме выражения: «Я только в скобках замечаю, Что нет презренной клеветы, На чердаке вралем рожденной...» и пр. (IV, 19).

1 июня 1831 г. в письме к тому же адресату Пушкин замечает: «Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря».⁶ Почти дословно эта мысль воспроизводится в стихотворении «Клеветникам России», датированном 16-ым августа 1831 г.: «Оставьте: это спор славян между собою, Домашний старый спор, уж взвешенный судьбою... Вам непонятна, вам чужда Семейная вражда».

Пушкин пишет Вяземскому: «Лета клонят к прозе».⁷ Затем то же и о том же в «Евгении Онегине»: «Лета к суровой прозе клонят, Лета шалунью рифму гонят» (VI, 43).

Разумеется, словесные находки, удачные выражения и образы переносятся не из одних писем к Вяземскому. Из писем к Вяземскому относительно больше, чем из других, но и из других тоже немало.

В письме Пушкина к Рылееву встречается афористическое замечание: «Скука есть одна из принадлежностей мыслящего существа».⁸ Письмо написано в мае 1825 года. В следующем, 1826 году, афоризм в несколько измененном виде попадает в «Сцены из Фауста»: «Вся тварь разумная скучает».

В письме к Плетневу от августа 1831 года Пушкин пишет по поводу назначенной им цены одного из своих произведений: «Думаю, что публика будет беспрекословно платить сей умеренный оброк и не принудит меня употреблять строгие меры».⁹ Через два года он делает попытку вернуться к «Евгению Онегину» и в одном из набросков к продолжению своего романа пишет: «Ты мне советуешь, Плетнев любезный, Оставленный роман мой продолжать... , Брать с публики умеренную плату — За каждый стих по десяти рублей (Составит, стало, за строфу сто сорок) — Оброк пустой для нынешних людей».

9 сентября 1830 года в письме к деду Н. Н. Гончаровой Пушкин замечает: «Сношения мои с правительством подобны

⁵ Письмо от 1 сентября 1822 — там же, стр. 41.

⁶ А. С. Пушкин. Полное собр. соч. в десяти томах, т. 10, стр. 351.

⁷ Письмо от 1 сентября 1822 — там же, стр. 42.

⁸ А. С. Пушкин, Полное собр. соч. в десяти томах, т. 10, стр. 144.

⁹ Там же, стр. 377

внешней погоде: поминутно то дождь, то солнце. А теперь нашла тучка». ¹⁰ В 1831 году образ этот комически переосмысливается в шуточном стихотворении, посвященном присвоению Вяземскому звания камергера:

Так солнце и на нас взглянуло из-за туч,
На з... твоей сияет тот же ключ.

В письме к жене из Михайловского Пушкин делится своими впечатлениями: «В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уже в нем няни моей и что около знакомых старых сосен поднялась во время моего отсутствия молодая сосновая семья». ¹¹ Буквально через несколько дней после этого письма Пушкин создает стихотворение «Вновь я посетил», в котором используется найденный в письме образ: «... Теперь младая роща разрослась, Зеленая семья...»

Интересно, что иногда поэт использует в своих произведениях удачный образ, заимствованный из писем своих корреспондентов. Слово «заимствованный» здесь не совсем точно. Для Пушкина этот образ становится своим (ведь он пришел к нему из его переписки!), поэт вживается в него, может быть, даже забывает о том, кому первому обязан образ своим существованием. 22 января 1825 года Плетнев пишет Пушкину: «... на Парнасе толкучий рынок». В течение 5 лет этот образ нигде — ни в переписке Пушкина, ни в его произведениях — не встречается: время достаточное, чтобы забыть, кому принадлежит на него первоавторство. Автор, очевидно, забыт — но самый образ не забыт. Спустя 5 лет, в «Домике в Коломне» читатель встречает его в развернутом и отточеном виде: «А табор свой с классических вершинок Перенесли мы на толкучий рынок, И там себе мы возимся в грязи, Торгуемся, бранимся так, что любо...»

Приведенные примеры наиболее наглядно и прямо показывают, насколько переписка служила для Пушкина школой мастерства, сферой художественного опыта, источником стиливых заготовок. Но переписка для Пушкина была подлинной школой и в более глубоком и более важном смысле. Как справедливо отметил проф. Малаховский, «через свои эпистолярные опыты Пушкин пришел к художественной прозе». ¹² В письмах Пушкина исподволь, постепенно вырабатывался язык его прозы. И к этому вот что необходимо еще добавить: в языке писем намечается не только то, что было впоследствии осуществлено Пушкиным, но и то, что Пушкин осуществить не успел. В языке пушкинских писем в каком-то смысле проглядывает будущее не

¹⁰ А. С. Пушкин. Полное собрание соч. в десяти томах, т. 10, стр. 306.

¹¹ Письмо от 25 сентября 1835 г. — там же, стр. 548.

¹² Малаховский В. А., Язык писем Пушкина, стр. 506.

одного языка Пушкина-прозаика, но и языка всей русской прозы.

В своей дружеской переписке Пушкин является «в халате, нараспашку и спустя рукава». Это выражение принадлежит самому Пушкину. Это образ — и тем более это не нужно понимать буквально. В письмах своих Пушкин является как будто «спустя рукава». За мнимой небрежностью — большое искусство. Мнимая небрежность — это свобода, утверждение свободы. И это как раз то, что более всего ценит Пушкин-художник.

В одном из писем к Бестужеву Пушкин писал: «Жду твоей новой повести, да возмись-ка за целый роман — и пиши его со всею свободой разговора или письма, иначе все будет слог сбиваться на Коцебятину».¹³ Свободный язык, вольные и непринужденные речевые композиции, максимально приближающиеся к разговорной речи — таков идеал Пушкина, его программа. Таким свободным языком нужно писать романы, повести. Для романов и повестей такой язык — должно быть. В письмах это должное практически осуществляется. Язык писем не только объективно является своеобразным опытным полем; Пушкин и сам отдает себе отчет в том, что это опыт, прекрасная школа языкового мастерства.

Язык писем у Пушкина во многих отношениях опережает язык его художественных произведений. Это проявляется прежде всего в особенностях лексики и фразеологии. Одна из самых больших заслуг Пушкина — обращение его к живым истокам народного языка. И в письмах он это делает смелее, идет дальше, нежели в художественных произведениях. В письмах Пушкин свободно употребляет некоторые слова в простонародной форме: вчерась, убивство, отымать, оттоле; широко пользуется простонародной лексикой: кварта, выключка, фатерка, зачуфырился, торока (взять в торока — привязать к седлу), блазнит, шарамыжник. Интересно, что мещански-простонародное слово «фатерка» употреблено Пушкиным всего 2 раза — и оба раза в письмах; то же со словом «шарамыжник»; слова «зачуфырился», «выключка», «торока» по одному разу — и тоже только в письмах; слово «вчерась» употреблено 5 раз — из них 3 раза в письмах, и только 2 — в художественных произведениях.

В своей переписке Пушкин, не стесняясь, пользуется и вульгаризмами: «На днях испорознился сказкой в тысяча стихов; другая в брюхе бурчит», «если его [Жуковского] все еще несет вдохновеньем, то присоветуй ему читать Четь-

¹³ Письмо от 30 ноября 1825, — А. С. Пушкин, Полное собр. соч., т. 10, стр. 192.

Минею»; «какая ты дура мой ангел!» «надобно бабенку к рукам прибрать». Замечательно, что вульгаризмы под пером Пушкина меньше всего кажутся вульгарными. Как хорошо сказал один исследователь пушкинского творчества, «у него — прекрасная грубость, у него — милая непристойность, у него — здоровье легкой души».

Широко, особенно широко использует Пушкин в переписке народные пословицы и поговорки, при этом порой перефразируя их и даже переосмысляя. Пословицы и поговорки — идиоматические чаще всего выражения, потому в них и через них особенно проступает национальная, народная физиономия языка.

Пушкин пишет Соболевскому: «Вечер узнал я о твоём горе и получил твой два письма. Что тебе скажу? Про старые дрожжи не говорят трожды; не радуйся нашед, не плачь потеряв... Перенеси мужественно перемену судьбы твоей, т. е. по одежке тяни ножки — все перемелится, будет мука. Ты видишь, что кроме пословиц ничего путного тебе сказать не сумею. Прощай, мой друг!»

В письме к Дельвигу: «...вольно собаке и на владыку лаять, но пускай лает она на дворе, а не у тебя в комнатах».

Особенно много пословиц встречается в его письмах к жене. И чем дальше, тем больше. Пушкин испытывает явное удовольствие, употребляя пословицы, точно купается в них, они ему доставляют эстетическое наслаждение. Наслаждение главным образом потому, что в них он ощущает неповторимо-народное, приобщается через них к этому неповторимому и народному.

«Приеду оживиться твоею молодостью, мой ангел. Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу к тебе с пустыми руками явиться, взялся за гуж, не скажу, что не дюж».

«Вот вся тайна кокетства: было бы корыто, а свиньи будут».

«Во-первых, отпустил я себе бороду; ус да борода — молодцу похвала: выду на улице — дядюшкой зовут».

В связи с использованием Пушкиным пословиц любопытный подсчет был сделан Н. Г. Воробьевым (Н. Г. Воробьев. Пословицы и поговорки в творчестве Пушкина). Согласно этому подсчету, в незаконченной повести «Арап Петра Великого» встречается пять пословиц, в «Повестях Белкина» — 14; в «Истории села Горюхина» — пословиц нет вовсе; в «Дубровском» — 5; в «Пиковой даме» — нет; в «Капитанской дочке» — в пределах 40. Между тем в письмах, начиная с 1822 г., отмечено свыше 120 пословиц и поговорок. Если учесть, что пословицы и поговорки в художественных произведениях встречаются преимущественно в речи персонажей, а не в авторской речи, результат наблюдений Н. Г. Воробьева следует признать весьма показательным. Очевидно, что и в отношении насыщенности идиоматикой язык писем далеко опережает язык Пушкина-художника.

В известном смысле язык писем Пушкина оказывается более народным, чем язык его художественных произведений.

Широкое употребление Пушкиным идиоматических выражений, народных по происхождению, просторечия и вульгаризмов ни в коей мере не объясняется исключительно особенностями эпистолярного жанра. В этом употреблении — выражение общего языкового идеала Пушкина. В письмах более всего и прежде всего осуществляется его общая языковая программа.

«Языку нашему надобно воли дать более...», — писал Пушкин Погодину.¹⁴ И та же мысль выражена в письме к Вяземскому: «Я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность... Грубость и простота более ему пристали.¹⁵ И к этому добавляет: «Проповедую из внутреннего убеждения, но по привычке пишу иначе». Неожиданное и очень любопытное признание. Несомненно, что когда Пушкин заявляет: «по привычке пишу иначе» — он имеет в виду не письма, а художественные произведения. В художественных произведениях «дать воли» языку не так-то легко: необходимо преодолевать «привычку», традиции. Поэта связывают в этом случае привычные и узаконенные практикой литературные условности. Иное дело — письма. Они по самой сути своей менее традиционны, и в них Пушкин делает то, что соответствует его «внутреннему убеждению», к чему он лишь стремится в языке художественных произведений.

Язык пушкинской переписки, насколько это возможно, свободен. Он богат свежими, литературно неканонизированными словечками, сравнениями, неожиданными, почти дерзкими в своей необычности сочетаниями слов:

«в старину все случалось забалтываться стихами»; «готов христосоваться с тобой стихами, но сделай милость... пощади»; «все-таки она приказала тебя, пустельгу, расцеловать»; «кстати, похвалите Славянина, он нам нужен, как навоз нужен пашне, как свинье нужна кухня, а Шишков русской академии»; «вот! да разве не видишь ты, что мечут нам чистый баламут, а мы еще понтируем», «кабы знал, что заживусь здесь, я бы с ней завел переписку вчасос и с подогревцем, т. е. на всякой почте по листу кругом».

В письмах Пушкин чувствует себя свободным и в отношении т. н. правил языка. Для него не существует недопустимого вообще; он знает, что недопустимо может быть только для данного, конкретного случая. Приведу один показательный в этом смысле пример. Пушкин пишет Кюхельбекеру по поводу его «Духов»: «... выражения не всегда точно русские — например,

¹⁴ Письмо от ноября 1830 г. — А. С. Пушкин. Полное собр. соч., том 10, стр. 321.

¹⁵ Письмо от 1—8 декабря 1823 г. — Там же, стр. 76.

слушать в оба уха». ¹⁶ А на другой день, никак специально не комментируя, в письме к Плетневу использует эту неправильность — использует в ином контексте, контексте иронически-шутливого, фамильярного звучания: «Милый, дело не до стихов — слушай в оба уха...» ¹⁷ У Пушкина неправильность заиграла, приобретает выразительность и значит, стала фактом законным и допустимым.

Одна из примечательных особенностей стиля пушкинской переписки — любовь к каламбурам. Из современников Пушкина это особенно свойственно было и Вяземскому. Пушкин любит каламбуры не ради них самих. Для него это живая игра, проявление остроумия, утверждение языковой свободы. Он сталкивает слова между собой, высекая из них искру. Поэту, мастеру слова, это не может не доставлять удовольствия. Он чувствует и осознает слово во всех его связях, во всех его возможных ассоциациях. И в комических — в том числе.

«... скажи Селенину, — пишет он брату, — чтоб он мне прислал Сукина Сына Отечества 2-ю половину года»; о Дельвиге: «А то шпионы-литераторы заедят его как барана, а не как барона»; «бедный Дельвиг! Помянем его Северными Цветами»; «взять жену без состояния — я в состоянии, но входить в долги для ее тряпок — я не в состоянии»; «страховать жизнь еще на Руси в обыкновение не введено, но войдет же когда-нибудь; покамест мы не застрахованы, а застращены».

Интересная черточка. Порой он бывает очень мрачен, его письма — даже к жене — почти сухи, в них чувствуешь разлившуюся желчь — но вот ожидается каламбур, поэт чувствует возможность словесной игры... и сухости не осталось и следа, приходит неожиданное оживление, он уже почти весел: «Сейчас... я прочел, что Пугачев поручил Хлопуше грабеж заводов. Поручаю тебе грабеж заводов — слышишь ли, моя Хлопушкина? Ограбь заводы и возвратись с добычей».¹⁸

Пушкин не только играет со словом, ищет неожиданных словесных связей, он и творит слово — выразительное, впечатляющее слово. В переписке его особенно много неологизмов. Точнее сказать, только в переписке они и встречаются. Осторожный в отношении словотворчества в своих художественных произведениях, он смело прибегает к нему в письмах. И в этом случае он в языке писем больше революционер, дальше идет, нежели в языке художественных произведений.

«Здесь у нас молдованно и тошно», — пишет он Гнедичу. «Я влюбился и миртильничаю»; «пакость твоего

¹⁶ Письмо от 1—6 декабря 1825 г. — А. С. Пушкин. Полное собр. соч., т. 10, стр. 194.

¹⁷ Письмо от 4—6 декабря 1825 г. — Там же, стр. 195.

¹⁸ Письмо от июля 1834 г. — А. С. Пушкин, Полное собр. соч., т. 10, стр. 507.

чтен ь е бес и я»; «ольдекопствуешь и воейковствуешь»; «в самом деле не забрюхатела ли ты? что ты за недотыка!»

Пушкин творит и откровенно радуется своему творчеству. Он гордится свежим, им самим изобретенным словом. В письме к Дельвигу он пишет: «мнителен и хандрлив», и тут же с великолепной непосредственностью добавляет: «каково словечко!»

«Реформа повествовательного стиля в творчестве Пушкина, — писал акад. Виноградов, — главное всего была направлена на развитие приемов синтаксической изобразительности»¹⁹ В синтаксисе Пушкин больше всего был новатором. И новаторство в синтаксисе, подобно тому, как это отмечалось в лексике и фразеологии, ярче всего выражается в языке его писем.

Художественно-повествовательный язык Пушкина, при всей его простоте и неукрашенности, всегда сдержан, заметно обработан. В основе повествовательных периодов, даже наиболее смелых, чувствуется установка на гармонию. В языке писем — вместо гармонии, движение, живые ритмы, острая динамичность. В языке писем — свободные конструкции, непринужденность связей, максимальная близость к устной речевой стихии.

«Но Петр Маркович их взбуторажил, он к ним прибежал. дети! дети! мать вас обманывает — не ешьте черносливу; поезжайте с нею. Там будет Пушкин — он весь сахарный, а за него яблочный; его разрежут и всем вам будет по кусочку — дети разревелись; не хотим черносливу, хотим Пушкина.»²⁰

«Но жизнь все еще богата, мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жены наши — старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята; а мальчишки станут повесничать, а девчонки сентиментальничать, а нам то и любо».²¹

Здесь целые периоды, построенные на бессоюзной связи и сочинении. Здесь типично пушкинская быстрота, неожиданность и острота синтаксических сцеплений и присоединений. Отсюда особая легкость, свобода, динамика. Как и в живой речи, интонация становится главным средством связи частей в целое.

«Однако скучна Москва, пуста Москва, бедна Москва. Даже извозчиков мало на ее скучных улицах. На Тверском бульваре попадаются две-три салопницы, да какой-нибудь студент в очках и в фуражке, да кн. Шаликов».²²

¹⁹ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941, стр. 358.

²⁰ Письмо Дельвигу от ноября 1828 г. — А. С. Пушкин. Полное собр. соч., т. 10, стр. 254.

²¹ Письмо Плетневу от 22 июля 1831 г. — Там же, стр. 368.

²² Письмо Н. Н. Пушкиной от 27 августа 1833 г. — А. С. Пушкин. Полное собр. соч., т. 10, стр. 441.

Интересно сопоставить два периода, приблизительно на одну и ту же тему, взятые один из письма, другой из критической прозы. Пушкин пишет Гнедичу:

«Я очень знаю меру понятия, вкуса и просвещения этой публики. Есть у нас люди, которые выше ее; этих она недостойна чувствовать; другие ей по плечу, этих она любит и почитает. Помню, что Хмельницкий читал однажды мне своего Нерешительного: услыша стих «И должно честь отдать, что немцы аккуратны», я сказал ему: вспомните мое слово, при этом стихе все захлопает и захохочет. А что тут острого, смешного? Очень желал бы знать, сбылось ли мое предсказание».²³

Период в строгой его форме в этом отрывке отсутствует. Абсолютно преобладают сочинительные конструкции, заметна большая свобода связей. Иначе, хотя и о близком, говорит Пушкин в критической статье:

«Значительная часть нашего партера (т. е. кресел) слишком занята судьбою Европы и отечества, слишком утомлена трудами, слишком глубокомыслена, слишком важна, слишком осторожна в изъявлении душевных движений, дабы принимать какое-нибудь участие в достоинствах драматического искусства (к тому же русского). И если в половине седьмого часу одни и те же лица являются из казарм и совета занять первые ряды абонированных кресел, то это более для них условный этикет, нежели приятное отдохновение. Ни в каком случае невозможно требовать от холодной их рассеянности здравых понятий и суждений, и того менее — движения какого-нибудь чувства.»²⁴

Здесь, очевидно, другой синтаксис, другая, более строгая и правильная конструкция, период, построенный по всем законам красноречия. Язык прозы не хуже языка письма — он просто иной, более книжный, более традиционный. И так не в одном этом случае.

Повествовательный язык Пушкина, при всех его достоинствах, ощущается нами как достаточно традиционный. Язык писем и до сих пор поражает своей новизной, смелостью, свободой. По сравнению с непринужденностью речевых конструкций пушкинской переписки и синтаксические конструкции Тургенева кажутся излишне книжными, конструкции Гоголя слишком тяжеловесными. В языке писем Пушкин пошел дальше не только самого себя как писателя, но и дальше своих ближайших последователей. Он далеко опередил свое время и в известном смысле предугадал Чехова, этого веселого, изобретательного и великого

²³ Письмо от 13 мая 1823 г. — А. С. Пушкин. Полное собр. соч., т. 10, стр. 60.

²⁴ А. С. Пушкин. Мои замечания об русском театре — Полное собр. соч., т. 7, стр. 8.

мастера живого русского слова, Чехова, которого Лев Толстой с полным основанием назвал «Пушкиным в прозе».

Сделанные наблюдения носят, естественно, самый предварительный характер. Но и они позволяют прийти к одному очень важному выводу. Изучение стиля Пушкина без учета стилистики его писем будет не просто неполным, оно может привести к ошибочным заключениям. Письма позволяют увидеть то, что только намечено, но до конца не выявлено в языке художественных произведений. Изучение писем позволяет лучше, полнее и точнее понять тенденцию пушкинского стиля и истинный характер пушкинских языковых традиций. Подлинное понятие пушкинских традиций не укладывается вполне ни в языке Тургенева, книжном по своему синтаксису, ни в языке Гоголя. Язык русской литературы, никогда не отказывавшийся от завещанного ему Пушкиным, осуществит эти заветы в полной мере не сразу, спустя много десятилетий, осуществит по мере того, как освободится от тяжелого груза литературно-языковой условности, максимально приблизится к стихии живой, устной речи.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ имени С. М. КИРОВА
КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПСКОВ
1962